

...и вдруг они все начали жениться! Хотя еще позавчера были полностью мои. Могли без предупреждения завалиться ко мне в три ночи. А они могли. Я мстил им в полчетвертого, игриво подмигивая «Распутиным». «Ах ты... – говорили они, – зараза какая злопамятная! Ложись в зале. Да не сюда! Направо дверь. Тихо! Пальма оценилась Щенков не подави. Минералка в холодильнике. Пожрать там же. Нет, не буду. Дверь закроешь. Ключ положишь под коврик. Мать в обед придет. Рыбок не корми. Нет, не буду. Мне через три часа на работу. Не буду, говорю... Куда ты столько?! Говорил же, половинку... Так нет больше Кеши. Кот, собака, сожрал... Ты прости – может, в следующий раз, а сейчас пора спать. ... Все. На посошок и спать. Рыбок не корми».

Утром, покормив рыбок, я брел домой.

...и вдруг они все начали жениться. По любви. Свадьба чтоб. И чтоб второй день обязательно. Опохмелочный. И баян. И тамада после третьего стола скажет: «Сколько свадеб провел, но такой веселой не видел».

«Серый, ты свидетелем будешь». Даже без вопросительной интонации. Констатируя грядущий факт. И я стал свидетелем. Профессиональным.

Алкаши, натягивающие веревки перед свадебным кортежем,
бабки с иконами,
украденная туфля невесты,
украденная невеста,
негр из Панамы, поющий во все горло «Господа офицеры»,
конкурс со стульями,
пограничное состояние психики,
свадебный DJ, врубивший американский рэп в деревне Федоровка,
сумасшедшие частушечницы,

поиски в ночи золотой запонки, потерявшейся в ходе обязательной драки,

злой вшитый баянист,

белая лошадь, на которой невеста чуть не ускакала в закат,

«расщепление эго» у чужих, но вдруг породнившихся людей, цыгане, забредшие на шум,

крыса в кухне,

опрокинутая кадка с фикусом,

гость из Москвы, угнетающий свой гипоталамус водкой и реланиумом,

потеря страха,

потеря чувства самосохранения,

пьяная щедрость,

вопрос «А ты вообще кто такой?..»

Всему этому я был Свидетелем.

В первую мою свадьбу было несколько некомфортно. А потом ничего... Приноровился. Контролировал общий ход мероприятия, не упуская из вида нюансов. Под ручку со свидетельницей, со штопором в кармане. А как же? На катаниях после торжественной церемонии подружки невесты всегда поначалу жеманничают: «Нет, нет, нет. Я только вино».

Научился целоваться при большом скоплении народа. Да и вообще, научился целоваться. С брачующимися в определенный момент всем все становится понятно, и кричать «Горько!» делается скучно. Поэтому орется «Сладко!» или «Кисло!», в зависимости от того, как на районе принято. Я участвовал в обоих вариантах. Всегда в такой момент выбегает мужик в рубашке уже навыпуск и начинает одной рукой дирижировать процессом, загибая пальцы и громко отсчитывая заявку на мировой рекорд по продолжительности поцелуя. Остальные с радостью поддерживают. «Девять!!! Девять!!! Девять!!! Девять с половиной!!! Десять!!!» Все это время два малознакомых человека в красных лентах через плечо, преодолевая неловкость, стойко выполняют свой долг. Заодно стараются оценить совместную вечернюю перспективу, не выпадая из текущего процесса. Молодым по фигу. Они даже рады, что коллективное пьяное внимание несколько сместилось из центра праздничного стола на периферию. Подарки собраны, деньги посчитаны. Свадьба для них уже как зима после Нового года. Потеряла всякий смысл.

За невесту я торговался так, будто она последняя женщина на Земле. На третий или четвертый раз торговцы живым товаром начали мне приплачивать, только чтобы заткнулся. А то в загс опоздаем.

Шампанское открывал по заказу. Бесшумно, с дымком, с рикошетом от потолка... По заказу.

– Перед свадьбой надо причаститься и исповедаться. Теща настаивает. Ты ж свидетель. Завтра в 7 у церкви. Натощак, – вдруг сообщает мне очередной решившийся.

– Курить-то хоть можно?

– Нельзя. Ладно, покури.

Не скажу, что веровал. Так... Верил во что-то.

– Чего ты так волнуешься, – сказала мама. – Батюшка будет называть грехи, а все будут отвечать «Грешен, батюшка, грешен». И ты вместе со всеми. Вас там таких полцеркви будет. Успокойся.

– А если не мой грех? Можно промолчать?

– Делай, как я сказала. От греха подальше. Будешь свечки ставить, про Пантелеймона не забудь.

– А он чего?

– А он великомученик. У него здоровья просят.

В 7 утра стою у ворот церкви. Мучаю сигарету. Суну в пачку, достану. Обычно я не завтракал, но сегодня как черти разжигали. Быка бы съел. Но не съел. Нельзя. Мероприятие. Я ж свидетель.

Теща подъехала новоиспеченная. С тестем. Молодые опаздывали. Грехов, видно, набирались перед эрой грядущей безгрешности. Наконец все собрались. Старшее поколение – решительно настроенное, младшее – смущенное, я – с плохо скрываемым безразличием.

До сих пор жалею, что редко захожу в храм. А стоит только зайти... И плывешь. И смотришь зачарованно в своды. Фокусируешься первым делом на большом кресте. На человеке с раскинутыми руками на нем. Он спасает от ощущения случайности твоего присутствия здесь. На то он и Спаситель. К нему идешь в первую очередь. Потом как-то проще. Левее, чуть назад, ровно под куполом – «Всех Святых». Не осознавая, ищешь своих. «Николай Чудотворец» – родовая. Я – Николаевич, отец – Николай Николаевич. «Георгий Победоносец». Дед – Георгий, младший сын – Георгий. «Илья Пророк» – старший сын. «Сергий Радонежский» – тезка. Дальше – насколько свечек хватит. Все время боишься, вдруг кто одернет. Вдруг чего-то сделаешь не так. Чувствуешь себя, как гопота, но с понятиями. Стыдно. Даже за чужой не выключенный мобильный – стыдно. На выходе подходишь к бабушке за прилавком:

– Сорокоуст можно заказать?

Демонстрируешь владение терминологией. Вроде как не просто так... Кое в чем соображаешь.

– За здоровье? За упокой?

– За упокой.

– Новопреставленная?

– Старо.

И съешь сдачу в прозрачный куб для пожертвований.

«Ну шо, пойдём?» – почему-то с украинским акцентом спросил жених. Мужчины сняли шапки, женщины накинули платки. С богом!

Вошли. Кто поопытнее, перекрестились и за свечками. Я немного помялся у двери. Не то чтоб нехристь какой... Просто робею сперва, на самом деле. Немного погодя, ловлю ритм, чужие траектории, начинаю потихоньку, никому не мешая, продвигаться в глубь храма. Осмотрелся. Где Пантелеймон? Наклоняюсь к бабушкиному уху. Бабушка первая попавшаяся, та, которая ближе всех.

– Извините, – тихо говорю, – а святой Пантэлеймон где?

– Пантелеюшка-то? – смягчая мое слишком светское «тэ», переспрашивает бабуля. – Да вон он, рядом с Николаем Угодником.

Внимательно смотрю на мягкий, даже немного женственный безбородый лик. Надо что-то сказать ведь, а молитв не знаешь. Да и какие молитвы? Крестили-то тайком. Мама увезла в далекую деревенскую церковь. Не дай бог кто увидит, как второй секретарь горкома комсомола по храмам шастает. Не поймут товарищи. Стою, шевелю губами ни о чем. Со стороны посмотреть – истово молящийся. Наконец шепотом: «Святой Пантелеймон, дай всей моей семье здравия».

Почему-то кажется, что нужно сказать именно «здравия», а не «здоровья». Есть ощущение, что так смысл просьбы дойдет до адресата быстрее. Потом подумал и добавил: «Дай здоровья, пожалуйста». Чтоб уж наверняка. Поставил свечку, повернулся и пошел к стеночке. Но, чувствуя спиной взгляд архиепископа Мир Ликийских, вернулся. Еще с одной свечой.

Служба. Священники, конечно, ребята крепкие. Строгие очень. С непререкаемым авторитетом у целевой аудитории.

Слушаешь их и рикошетом ловишь обрывки чужих перешептываний. «Молодой-то поп поголосистой будет...», «Мы вообще бесплатно работали. Приход маленький был. Церковь бедная...», «... пил как сапожник, а потом за голову взялся, в семинарию поступил...», «... ноги уже не держат, и присесть негде...» Присесть действительно негде. В православных храмах вера живет не только в сердце, но и в ногах. В простом на первый взгляд испытании усталостью есть что-то честное, неленивое. Молодые, пожилые, совсем сгорбленные, дети... Детей много. Все стоят.

По ходу службы батюшка несколько раз поворачивается лицом к прихожанам, и паства делится напополам. Те, кто постарше и поопытнее, – очи долу. Молодежь, дерзкая в своем незнании, – глаза в глаза с ним.

Женщины, кстати, крестятся намного естественнее мужчин. Без нарочитости. С достоинством. Четырьмя плавными пролетами. Ощущение, что это идет откуда-то из глубин праматеринской памяти, из каких-то суперсекретных разделов генетического кода с грифом «Только для женщин» и непререкаемой печатью Кодировщика.

Мужики же кресты раскладывают очень индивидуально. Кто размашисто, кто вообще без замаха. Этот – суетливо, тот – задумчиво. Один стоит – лоб, правое плечо, да и хватит, другой – вообще плечи поперепутывает. Рядом со мной, неплохо одетый, все как будто латинскую «S» на себе рисовал. Видимо, молился какому-то своему Богу.

Наконец дело к исповеди. Нашел своих подопечных, встал у них за спиной. Подвоха не жду, инструкции получены. «Грешен, батюшка, грешен». Делов-то? Началось. Грех оглашался, мы хором каялись. Своеобразная групповая духовная терапия. Стыда нет. На миру, как говорится, и смерть красна. Не знаю, есть ли какой-то греховный рейтинг, всегда ли они перечисляются в определенном порядке, по степени тяжести или как бог на душу положит, но мои были названы где-то посередине. Оба.

«Я назвал не все грехи, – говорит батюшка, – у каждого из вас есть свой личный. Подходите и без излишней стыдливости говорите». На всякий случай пробегаюсь по собственному прошлому. Да вроде мои отпущены. Других вроде нет. Становлюсь в очередь на причастие. Скрещиваю руки на груди, подражая окружающим. «Руки переложил», – шипит завтрашняя теща. «Чего?» – не сразу понимаю я. Она молча выдирает мою правую из-под левой и кладет поверх. Чувствую неловкость от понимания ее понимания моего непонимания происходящего. Вникать раньше надо было. А мне было некогда. Занят был. В качестве председателя школьной пионерской дружины алые галстуки третьеклассникам повязывал.

Люди подходят к священнику, складываются в поклоне, пряча голову под церковным одеянием. Батюшка что-то спрашивает. Они что-то отвечают. Какой-то очень короткий диалог, но с каждым. И тут до меня доходит. Про грех спрашивает. Про тот самый, который: «Он есть у вас, и он не назван. Подходите и говорите. Без стыда». Снова начинаю копаться в памяти. Да вроде ничего серьезного. Кое-что было, но в коллективном «Грешен, батюшка, грешен» будто бы от этого избавился. А такого тяжелого, чтоб в общий перечень даже не попал, нет. Вот хоть убей, не могу вспомнить. Становится неуютно. Меня же спросят. Вон он. Всех спрашивает. И все отвечают. Значит, есть что сказать. А я, получается, не подготовился. Не догрешил и приперся. И сказать мне будет нечего. Единственному. Ситуация неловкая.

По новой запускаю дефрагментацию памяти, мозга... Всего, из чего есть малейшая возможность достать хотя бы толику грешного. Какая-то пункция души прямо. Забор духовного материала на предмет обнаружения следов забытых прегрешений. Лишь бы найти ответ на скорый вопрос. «А вдруг такие активные поиски греха уже сами по себе грех», – вдруг осеняет. «Нет. Не пойдет. Как это батюшке объяснишь».

«Или мой грех – уверенность в его отсутствии? Или был грех, а я не знал, что это грех. И сейчас не знаю. Промолчу о нем. Так он и будет на мне болтаться до смерти». Замечаю, что в этой странной задумчивости потихоньку пячусь назад, пропускаю вперед к таинству тех, кто за мной. Некоторые бабульки тоже это заметили, посматривают как на одержимого. Да и на самом деле, люди к причастию, а я от... Все перебрал, передумал. Хоть чужой на себя бери. Добрался даже до пятилетнего возраста, когда однажды отца дураком назвал. «Ты чего? Дурак?» – сказал. Но этот грех мне отец же сразу и отпустил. По шее. Так что не считается.

Все. Отступать больше некуда. Преклоняю голову перед батюшкой с мыслью, что нет на свете ничего грешнее, чем осознание собственной безгрешности. В его повествовательном бормотании вдруг улавливаю вопросительные интонации. «Про грех спрашивает. Чего говорить-то? Нет у меня греха? Так это гордыня. Самый что ни есть настоящий грех. Интересная получается ситуация. Заработать грех в момент исповеди. Это все со мной происходит?» Думаю, думаю, думаю... Вообще нет вариантов. Выбираю проверенную тактику. «Грешен, батюшка, – говорю, – грешен». Вдруг сработает? Нет. Снова что-то спрашивает. «Да, да, да, – повторяю, – грешен, чего уж тут...». Священник замолкает. Теплая рука берет меня за подбородок и аккуратно подталкивает голову вверх, возвращая тело в привычную вертикаль. Смотрю в глаза служителя культа и понимаю, что он еле сдерживается от смеха.

– Ты мне сегодня имя скажешь, грешник? – спрашивает он.

– Сергей, – отвечаю.

Целую крест, целую руку, целую Книгу, принимаю Святые Дары. Отхожу в сторону, ошарашенный легкостью разрешения ситуации, еще недавно тупиковой.

– Ты чего там так долго? – спрашивает жених.

– Да так, – отвечаю, – в грехах каялся.

– Получилось?

– Ага. Думаю, даже на чуть-чуть вперед.

– До сегодняшнего мальчишника, – влезла теща.

– У вас, Валентина Никифоровна, яд аж с ресниц капает, – зарабатываю я первый грех.

Жених промолчал. Завтра за свадебным столом тамада спросит его: «А как ты будешь теперь называть тещу»? – «Мама», – ответит тот. И все захлопают в ладоши. Так зачем же сегодня все портить косыми взглядами?

– Курим?

– Курим. Во сколько сегодня?

– Давай часика в четыре. На даче.

– Ну. Не прощаюсь. Увидимся.

– До вечера, – сказал жених. И незаметно для будущей родни просемафорил мне глазом. Сие означало, что не в четыре. И не на даче.

И был мальчишник. И была свадьба. И тамада после третьего стола сказал: «Сколько свадеб провел, но такой веселой не видел».